

Однако, ворвавшись в главную комнату, Цзи Жань остолбенел. Все собрались, атмосфера была гнетущей, а на почётном месте с важным видом восседал сутулый старик, поглаживающий бороду. Вся эта картина напоминала судилище. И едва он переступил порог, на него устремились десятки глаз. Остальные старались сохранять нейтральные лица, но Лэн Сянлянь не скрывала злорадства.

Так значит... этот спектакль затеяли для него?

Подумав так, Цзи Жань лишь приподнял бровь. Постукивая скалкой по ладони, он остановился и принялся разглядывать собравшихся.

— О, невестка, что это ты задумала? Неужели при старосте вздумала на родителей руку поднять? — Лэн Сянлянь, бросив взгляд на скалку в руке Цзи Жана, тут же язвительно вернула своё слово.

Её раздражение было понятно. Вчера Гао Хуэй принесла куриную ножку, но её на всех детей не хватило. Лэн Сянлянь решила, что Цзи Жань не уважает её, раз угостил только Гао Хуэй. Она, как вдова, детей иметь не могла, а потому завидовала тем, у кого они были. Вот ведь мерзавец!

Именно поэтому она и нашептала старикам, будто Цзи Жань прячет еду и не почитает старших. В итоге старуха Лу не только приказала сыновьям, Чан Гэну и Чан Цину, вынести все вещи Цзи Жана, но и пригласила старосту, чтобы обернуть всё против него.

Слова Лэн Сянлянь стали искрой. Старуха Лу принялась бить себя по бёдрам, причитая:

— Ох, матушки, что за напасть! Несчастливая наша семья Лу, что в дом такую беду накликала! Поглядите на эту мерзкую рожу! Да он при старосте отца с матерью убить хочет! Сынок ты мой, Чжэнь! Зачем же ты так рано покинул нас! Глянь на свою жену, не хочет он нам жизни!

Цзи Жань смотрел на это представление, разинув рот. Свекровь и невестка так дуэтом выступали, что позавидовал бы любой актёр.

«Ну и ну, разошлись», — подумал он, но внешне оставался холоден.

— Мне всё равно, что вы тут затеяли. Скажу одно: как вынесли мои вещи, так и принесёте обратно. Иначе пеняйте на себя!

— Твои вещи? Какие ещё твои вещи? — старуха Лу вскочила с места. — Ты к нам в семью Лу пришёл с одним узелком, даже приданого не принёс, а теперь о своём толкуешь! Как раз староста здесь, пусть рассудит. Ты с самого прихода только жирнееешь, в поле не ходишь, работы не делаешь, да ещё и воруешь, пока нас нет! Мы со стариком только слово поперёк молвили, а ты уже руки распустил! Старших не чтишь, сыновний долг забыл, не человек ты! И ещё смеешь своё требовать! Мы всем домом живём, не делились, все ради пропитания горбатятся, а ты припасы припрятываешь! Ты нас, свёкра со свекровью, в грош не ставишь! Не думай, раз мужик, так и правил женских не касается! Брак твой с Чжэнем императорским указом благословлён! Неприятие этого брака — значит, сомнение в решении императора, неповиновение указу, карается смертью! А коль брак принял, значит, ты жена Чжэня, мужа фамилию носишь, и твой долг — заботиться о его родителях! И куда бы я ни пошла, везде правду найду!

Цзи Жань не перебивал старуху, пока та не выдохлась. Лишь тогда он, всё так же постукивая скалкой, поднял подбородок:

— Закончили?

Старуха Лу не ожидала такой реакции и на миг опешила.

В этот момент старик Лу схватился за поясницу и застонал:

— Ой, спина моя старая!

Лу Чжэню уже невольно было смотреть на это, он двинулся вперёд, чтобы проучить их, но Цзи Жань остановил его взглядом. Всего лишь бабьи уловки. Если он с таким не справится, то какой же он мужчина!

— Что вчера случилось, все видели как на ладони. Кто прав, кто виноват — люди разберутся. Староста — человек мудрый, наверняка о происшествии слышал и уже выводы сделал, — спокойно произнёс Цзи Жань, кивнув старосте. — Я в доме Лу недавно, всё мне тут внове. Даже если бы я и взял что-то, что с того? В моей клетушке и очага-то нет, ясно, что едим из одного котла. Проголодался — себе еду приготовил, разве не в порядке вещей? А вы сразу набросились, будто на вора! Если поесть в вашем доме — значит, воровать, тогда я сам себя прокормлю. Припасы в боковой комнате я вчера у деревенских на дичь выменял. По какому праву вы всё прибрали? А теперь ещё и судилище устраиваете! Так, может, прямо сейчас и поделимся? О справедливости говорите, а сами всё шиворот-навыворот!

— Ага! Так ты и впрямь яйца да муку украл! — старуха Лу, не способная вести разумный спор, решила, что поймала его на слове, и обернулась к старосте. — Староста, слышали? Мы его не оклеветали! Он и есть вор!

Её глупость заставила Цзи Жэня рассмеяться. Он сам из крестьян, всякое повидал — и за между дрались, и из-за пустяков ссорились, и кур воровали, и гусей теряли. Но чтобы своего же из-за еды вором обзывали — впервые. Если не считают своим — одно дело, но эта старуха то говорит «ты в семье», то кричит «вор»! Что за каша в голове? Сама себе противоречит, может, маразм наступил?

Кто громче орёт, тот и прав? Так, может, ему сначала всё разнести, а потом поговорить?

— Ладно, — видя, что староста молчит и лишь наблюдает, Цзи Жань едва заметно усмехнулся. Он окинул взглядом всех присутствующих и остановился на старухе Лу. — Зациклились на одном яйце да щепотке муки? Хорошо, возьму. Но одно условие: разделяемся окончательно. Как вы жить будете — ваше дело. А я, Цзи Жань, заявляю: с этого дня мы отдельно. Нечего тут про «семья должна быть вместе» толковать. Если, как вы говорите, раз я в семью вошёл, то всё заработанное должен отдавать, а поесть — значит, украсть, то как мне жить-то? Сегодня староста на наше представление смотрит, а завтра, глядишь, хоронить меня придёт? Интересно, доведение до голодной смерти — преступлением считается?

Этими словами Цзи Жань ловко заткнул рот и старосте. Посыл был ясен: смотреть можешь, но если вмешаешься — пеняй на себя.

Староста, изначально собиравшийся остаться в стороне, почувствовал неловкость. В душе он презирал поведение семьи Лу, но как официальное лицо старался сохранять нейтралитет.

— Кхе-кхе! — наконец прокашлявшись, староста произнёс, стараясь быть объективным. — Старуха Лу, неправа ты. Я слушал-слушал, а выходит, ты на новую невестку за то, что поела, обижаешься. А она ж только в дом вошла, не освоилась ещё. Свекровью будучи, могла бы по-доброму наставить, а ты сразу воровством да рукоприкладством пугаешь. Смех да и только!

Сама ж говорила — в семью вошла, значит, своя. Коль своя, так что такого-то поест? Не воровство это. Вижу я, ты на тех яйцах с мукой зацклилась. Но невестка уже сказал — возместит. Думаю, вам каждому уступить надо, да и дело с концом.

— Староста, да как же так, он же...

<http://bllate.org/book/16271/1464300>